

В. Г. Белинский

Вступление к «Физиологии Петербурга»

Виссарион Григорьевич Белинский

Вступление к «Физиологии Петербурга»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2696785*

Аннотация

Белинский ставит со всей ясностью вопрос о включении «физиологических очерков» в русло великих традиций русской реалистической литературы, требует в то же время от авторов овладения тем глубоким знанием и пониманием русской действительности, которое было свойственно Грибоедову, Пушкину, Лермонтову, Гоголю. Именно их творчество имеет в виду Белинский, когда говорит, что «литераторы, принимавшие участие в этих изданиях, могли бы, кажется, найти для себя готовую и притом верную точку зрения на общество в произведениях тех немногих русских писателей, которые умели постигнуть тайну русской действительности».

Содержание

Комментарии
Примечания

22

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Вступление к
«Физиологии Петербурга,
составленной из трудов
русских литераторов, под
редакциею Н. Некрасова»**

Русскую литературу часто упрекают за равнодушие к предметам отечественным. Это обвинение и справедливо и несправедливо. В самом деле, с одной стороны, много ли у нас книг, из которых можно было бы не только изучать, но и просто знакомиться с многочисленными сторонами русского быта, русского общества? Скажем более: где у нас эти книги? Их нет. Русская литература представляет едва ли не более материалов для изучения исторического и нравственного быта чужих стран, нежели России. Мы разумеем здесь произведения беллетрические, то, что составляет так называемую *легкую литературу*, которой назначение состоит в том, чтоб занимать досуги большинства читающей публики и удовлетворять его потребности. Произведения художе-

ственные, творения строгого искусства мы не причисляем к легкой литературе, а потому, говоря о бедности нашей литературы по части книг, которые знакомили бы русских с их собственным бытом, мы не имеем в виду тех поэтических созданий, которыми по справедливости всегда может гордиться русская литература и в которых отражается русское общество, каковы, например: комедии Фонвизина, «Горе от ума» Грибоедова, некоторые из стихотворных произведений Пушкина («Граф Нулин», «Евгений Онегин», «Домик в Коломне», «Родословная моего героя»), несколько его же повестей и рассказов в прозе («Пиковая дама», «Капитанская дочка», «Дубровский», «Летопись села Горохина»^[1]), комедии, повести и роман («Мертвые души») Гоголя, «Герой нашего времени» Лермонтова и, наконец, еще несколько произведений других более или менее замечательных талантов. Если бы таких сочинений было и гораздо меньше, нежели сколько можно было бы желать их, – все-таки нельзя жаловаться на их малочисленность, потому что явление великих талантов не зависит от воли или желания людей. Но выбор предметов, которым посвящают перо свое обыкновенные (и по тому самому и более многочисленные) таланты, может подвергаться упреку или неодобрению. И вот с какой точки зрения литература наша вообще навлекает на себя сильные упреки со стороны публики. В самом деле, у нас довольно романов исторических, которые хотят знакомить публику с прошедшим бытом России, в разные эпохи

ее существования; довольно романов сатирических, нраво-описательных, которые хотят знакомить ее с нравами современного общества; еще более у нас повестей в этом роде и целые томы нравоописательных, нравственно-сатирических и всяких юмористических статей. Но от этого нам несколько не легче. В исторических романах мы не находим ничего, кроме исторических имен, и всего менее находим мы в них чего-нибудь похожего на древнюю Русь. Это просто-напросто ученические эскизы с романов Вальтера Скотта, эскизы, в которых историческая истина принесена в жертву несвойственному русской действительности романтизму. Сверх того, видно еще, что авторы изучили эпоху, которую брались изображать в своих романах, из «Истории государства российского» Карамзина, заглядывая в нее за несколько дней перед тем, как садились за свою работу. Не лучше этих так называемых «исторических» романов и так называемые нравоописательные романы: не знаем, что в них есть, но знаем, что в них нет нравов русского общества и что все, о чем в них рассказывается, так же легко могло случиться, или – все равно – так же легко могло не случиться в Китае, в Абиссинии, под водою и на облаках, как и в России. В них нет ни сатиры, ни нравов, потому что нет взгляда на вещи, нет идеи, нет знания русского общества, а есть только мелочный сатиризм, школьное критиканство, устремленное не на дикие понятия, не на ревущие противоречия между европейскою внешностию и азиатскою сущностию, а на прически а la

поцѣик¹, на очки, на лорнеты, на усы, эспаньолки, бороды и тому подобные невинные принадлежности моды. В них фигурируют и рисуются герои добродетели и герои злодейства, которых имена напоминают собою пословицу: *по шерсти собаке и кличка*, и которые заранее дают знать читателю, с кем предстоит ему иметь дело; но в них нет людей, нет характеров, которые, в своей простоте и действительности, иногда бывают гораздо лучше всевозможных бумажных героев добродетелей, а иногда, от доброты сердца и без всякой злобы, делают больше зла, чем все на свете неестественные изверги порока.^[2] Таковы же и нравоописательные повести. Что касается до нравоописательных и нравственно-сатирических очерков и юмористических статей, – это просто риторические распространения на какую-нибудь нравственную тему. При этой качественной бедности в числительном богатстве, у нас совсем нет беллетрических произведений, которые бы, в форме путешествий, поездок, очерков, рассказов, описаний, знакомили с различными частями беспредельной и разнообразной России, которая заключает в себе столько климатов, столько народов и племен, столько вер и обычаев и которой коренное русское народонаселение представляется такою огромною массою с таким множеством самых противоположных и разнообразных пластов и слоев, пестреющих бесчисленными оттенками. Если и были попытки на сочинения такого рода, – все они, от чувствительного «Путеше-

¹ По-мужицки. – *Ред.*

ствия в Малороссию» князя Шаликова до фразистой «Поездки в Ревель» Марлинского, могут считаться как бы несуществующими. А сколько материалов представляет собою для сочинений такого рода огромная Россия! Великороссия, Малороссия, Белороссия, Новороссия, Финляндия, остзейские губернии, Крым, Кавказ, Сибирь – все это целые миры, оригинальные и по климату, и по природе, и по языкам и наречиям, и по нравам и обычаям, и, особенно, по смеси чисто русского элемента со множеством других элементов, из которых иные родственны, а иные совершенно чужды ему! Мало этого: сколькими оттенками пестреет сама Великороссия не только в климатическом, но и в общественном отношении! Северная полоса России резко отличается от средней, а средняя – от южной. Переезд из Архангельска в Астрахань, с Кавказа в Уральскую область, из Финляндии в Крым – все равно, что переезды из одного мира в другой. Москва и Петербург, Казань и Харьков, Архангельск и Одесса: какие резкие контрасты! Какая пища для ума наблюдательного, для пера юмористического! Во Франции обо всяком уголке ее, сколько-нибудь и в каком-нибудь отношении замечательном, не одна книга написана, а сочинения о Париже образуют собою большую отдельную литературу. Кому не известна «Книга ста одного», которая соединила в себе труды едва ли не всех – и великих, и средних, и малых – французских писателей и, будучи сборником множества статей в форме повестей, рассказов и юмористических очерков, по своему содержа-

нию была посвящена изображению и характеристике Парижа. Недавно вышел великолепно изданный кипсек, текст которого, под названием: «Un ete a Paris», составлен Жюль Жаненом; и вот теперь выходит в Париже иллюстрированное издание «Le Diable a Paris», опять посвященное изображению того же самого Парижа. Трудно было бы перечесть все такие издания, беспрестанно выходящие во Франции. Издание «Les Francaises peints par eux-memes» посвящено изображению общественных нравов французов вообще.^[3] А назад тому лет двадцать сколько являлось во Франции разных «Пустынников»: и парижских, и лондонских, и бог знает каких еще! Правда, и у нас, по примеру этих пустынных, жадно переводившихся на русский язык, появились *Лужницкие старцы*, *Жители Галерной слободы* и тому подобные пустытники,^[4] но все эти господа ограничились журнальными статейками, в которых русский читатель всего менее мог найти для себя чего-нибудь русского, то есть такого, что бы знакомило его с русским обществом, а следовательно, и с самим собою. Впоследствии обстоятельство, подобное тому, которое было причиною появления в Париже «Книги ста одного», подало повод к появлению в Петербурге «Ста русских литераторов». Предприятие окончилось на втором томе и не успело показать публике и двадцати русских литераторов. Тщетно силилось оно воскреснуть в «Беседе русских литераторов»: тут постигла его еще более горестная участь. «Наши, списанные с натуры русскими», явившиеся вследствие

«Les Français peints par eux-mêmes», несмотря на некоторые неловкие ошибки, представили несколько статей более или менее удовлетворительных; но они появлялись медленно, а наконец и совсем исчезли, бог знает отчего...^[5] Какая причина всех этих неудач? Причина не одна, их много, но главная из них – отсутствие верного взгляда на общество, которое все эти издания взялись изображать. Это тем удивительнее, что литераторы, принимавшие участие в этих изданиях, могли бы, кажется, найти для себя готовую и притом верную точку зрения на общество в произведениях тех немногих русских поэтов, которые умели постигнуть тайну русской действительности. Хотя это и странно, однако не подвержено никакому сомнению, что русская литература гениальными произведениями едва ли не гораздо богаче, чем произведениями обыкновенных талантов. Кто лучше может познакомить читателей с особенностями характера русских и малороссиян, если не Гоголь? Хотите ли, в особенности, изучить Петербург? – Читайте его «Невский проспект», «Записки сумасшедшего», «Нос», «Женитьбу», «Утро делового человека», «Отрывок» и, наконец, «Театральный разъезд». Вы найдете тут все лица, которых бог не создавал нигде за чертою Петербурга! Хотите ли изучить Москву, не в ее временных или случайных чертах, а в ее духе? – Читайте «Горе от ума». В «Мертвых душах» вы узнаете русскую провинцию, как не узнать бы вам ее, прожив в ней безвыездно пятьдесят лет сряду. В «Онегине» вы изучите русское общество

в одном из моментов его развития; в «Герое нашего времени» вы увидите то же самое общество, но уже в новом виде. Хотите ли узнать Кавказ, так, как будто бы он был вашей родиной, – читайте Пушкина и Лермонтова. Нельзя сказать, чтоб эти гениальные действователи стояли совершенно одиноко, но они не окружены огромною и блестящею свитою талантов, которые были бы посредниками между ими и публикою, усвоив себе их идеи и идя по проложенной ими дороге. Этих последних у нас слишком немного, хотя некоторые из них и действительно замечательны и силою и блеском; другие, и это менее сильные и блестящие, одолжены своим успехом тому, что, хорошо зная русскую действительность, умеют и верно понимать ее. К сожалению, этих последних еще менее, чем сильных и блестящих талантов. А между тем в них-то больше всего и нуждается наша литература, и оттого, что их у нас так мало, литературные предприятия так дурно поддерживаются и публике теперь стало совершенно нечего читать. Высокий талант, особенно гений, действует по вдохновению и прихотливо идет своею дорогою; его нельзя пригласить в сотрудничество по изданию книги, ему нельзя сказать: «Напишите нам статью, которой содержание касалось бы петербургской жизни, а то, что вы предлагаете для нашей книги, нейдет к ней, и нам этого не надо». Притом же слишком много нужно было бы гениев и великих талантов, чтоб публика никогда не нуждалась в литературных произведениях, удовлетворяющих насущную потребность ее ежедневных

досугов. Иногда в целое столетие едва ли явится один гениальный писатель: неужели же из этого должно следовать, что иногда целое столетие общество должно быть совсем без литературы? Нет! Литература, в обширном значении этого слова, представляет собою целый живой мир, исполненный разнообразия и оттенков, подобно природе, произведения которой делятся на роды и виды, классы и отделы и от громадных размеров слона доходят до миниатюрных размеров колибри. Бедна литература, не блистающая именами гениальными; но не богата и литература, в которой всё – или произведения гениальные, или произведения бездарные и пошлые. Обыкновенные таланты необходимы для богатства литературы, и чем больше их, тем лучше для литературы. Но их-то – повторяем – у нас всего меньше, и оттого-то публике и нечего читать. Даже нельзя сказать, чтоб у нас уже слишком мало было обыкновенных талантов, хотя и действительно их не очень много; но беда в том, что обыкновенный талант или скоро переходит в бездарность, или вовсе не замечается даже в первую пору его деятельности, если он не подкрепляется умом, сведениями, образованием, более или менее оригинальным и верным взглядом на вещи... К сожалению, часто бывают даже очень замечательные таланты, из которых потому ровно ничего не выходит, что, кроме естественного таланта, в них ничего нельзя рассмотреть даже в микроскоп...

Это особенно относится к нашей литературе, и отсюда ее удивительная бедность порядочными произведениями для

наущного потребления публики, при замечательном (относительно) богатстве произведениями истинно высокими и художественными. Это факт, – и с этой стороны упреки публики справедливы. Сверх того, кроме журналов, у нас совсем не бывает порядочных книг, направленных к одной цели и составляемых в сотрудничестве, совокупными трудами нескольких лиц, – что так часто бывает во французской литературе. Это тоже факт, – и с этой стороны упреки публики опять справедливы. Она сетует на литераторов за их дух парциальности, не допускающий их действовать дружно и совокупными силами. В этом есть своя доля истины; но что же делать, если причины этой парциальности заключаются гораздо более в различии образования, направлений, понятий, нежели в корыстных расчетах, как привыкли у нас думать? Корысть так же хорошо связывает, как и разделяет людей, и потому она отнюдь не может быть непреодолимою помехою для дружной совокупной деятельности. Причины разъединенности и полемических отношений, в которых находятся друг к другу наши литераторы и которые не допускают их действовать заодно, скрываются в неопределенном, неустановившемся и пестром характере самой нашей общественности, где высокая образованность сталкивается с грубым невежеством, глубокая ученость с поверхностным полужнанием, страстное убеждение с решительным отсутствием какого-либо мнения, благородное стремление с корыстным расчетом, гений и посредственность, талант и бездарность

часто пользуются одинаковым успехом; где, наконец, даже люди, которых должны соединять их даровитость и благородство стремлений, никак не могут сойтись друг с другом, потому что один из них, по своим литературным мнениям, англоман, другой не признает ничего, кроме немецкой литературы, и в особенности ненавидит французскую, а третий не хочет знать ничего, кроме французской литературы... Посмотрите, какое разделение между нашими литераторами по одному отношению к русской литературе; один благоговеет перед писателями старой школы и видит высокие образцы литературы только в Ломоносове, Державине и Карамзине; другой присовокупляет к ним Жуковского и косо смотрит на Пушкина; третий совершенно холоден к старинным писателям, во имя Пушкина; четвертый, преклоняясь перед новыми писателями, враждебно смотрит на старинных; пятый, удивляясь гению Пушкина, не понимает, как можно восхищаться «фарсами» Гоголя, разумея под этими «фарсами» «Ревизора» и «Мертвые души»... Во всем этом видно больше общественной незрелости, чем невежества или ограниченности, и нисколько не видно никаких корыстных и низких расчетов. И как публика осудит литераторов за подобное разделение, если оно еще более царствует между ею самою? Ведь литература есть отражение общества, и все ее недостатки, равно как и хорошие стороны, суть недостатки и хорошие стороны самого общества...

К причинам бездейственности наших литераторов и – ее

следствия – бедности нашей литературы принадлежит еще и эта странная раздражительность, проистекающая все из той же неопределенности и детскости нашей общественности, – раздражительность, которая во всем игривом, веселом, остроумном и юмористическом готова находить личности и намеки; которая, что бы обладаемый ею человек ни прочел, беспрестанно восклицает: «Как можно это писать? Как позволяют это печатать?» Раз Гоголь в своей фантастической повести «Нос» хотел было распространиться насчет ученых коллежских асессоров, и ничего не решился сказать об этом любопытном предмете, потому что, по его словам, «Россия такая чудная земля, что если сказать об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры, от Риги до Камчатки, непременно примут на свой счет; то же разумеи и о всех званиях и чинах». В «Мертвых душах» он еще резче выразился об этом предмете, оправдываясь, почему не назвал по имени двух дам, действующих в его романе: «Автор чрезвычайно затрудняется, как назвать ему обеих дам таким образом, чтоб опять не рассердились на него, как серживались встарь. Назвать выдуманною фамилиею опасно. Какое ни придумай имя, уж непременно найдется в каком-нибудь углу нашего государства, благо велико, кто-нибудь, носящий его, и непременно рассердится не на живот, а на смерть, станет говорить, что автор нарочно приезжал секретно с тем, чтоб выведать все, что он такое сам, и в каком тулупчике ходит, и к какой Аграфене Ивановне наведывается, и что лю-

бит покушать. Назовите по чинам – боже сохрани! – и того опаснее. Теперь у нас все чины и сословия так раздражены, что все, что ни есть в печатной книге, уже кажется им лично-стью. таково уж, видно, расположение в воздухе. Достаточно сказать только, что есть в одном городе глупый человек, – это уже и личность: вдруг выскочит человек почтенной наружности и закричит: ведь я тоже человек, стало быть, я тоже глуп; словом, вмиг смекнет, в чем дело».^[6]

Действительно, эта обидчивость одна из самых характеристических, резко бросающихся в глаза, и, вместе, самых комических черт нашей несозревшей общественности. Несмотря на все стремление наше к балам, собраниям, клубам, публичным гуляньям, кафе-ресторанам, концертам, театрам, несмотря на все стремление наше особенно к балам, собраниям, клубам и кафе-ресторанам, стоящее нам часто всей жизни и всего состояния, мы не имеем даже ни малейшего понятия о *публичности*, и потому все наши балы, собрания, гулянья и проч. отзываются какою-то педантскою скукою и так похожи на тяжелый, церемонный обряд. В них мы гонимся за чинностию, а не за веселостию и, как прекрасно выразился Пушкин, «стараясь быть ничтожными с достоинством».^[7] Французы умеют жить и веселиться; но им ставят в упрек, что они дети, не думая о том, что веселиться умеют только дети и что если взрослые хотят жить весело, то непременно должны быть детьми. Следовательно, если уж ставить французам в заслугу их умение веселиться,

то не должно ставить им в вину, что они – дети. А они, в их манере жить весело, действительно – дети, и притом дети умные, милые, острые, живые! Это, впрочем, не мешает им в то же время быть и людьми взрослыми, да еще и весьма серьезными... Они постигли тайну быть важными без педантизма и веселиться без претензий, добродушно и с увлечением. Француз надо всем смеется – даже над самим собою, и это совсем не по той пошлой легкости, в которой не без основания упрекались французы прошлого столетия, но именно по отсутствию мелочности и педантизма; покажите французу самую смешную карикатуру на самого его, – и он первый будет добродушно смеяться над нею. Более всего на свете любит француз общественную и публичную жизнь и более всего забавляется на ее счет. Он знает, что смешное есть во всем и что над смешным можно смеяться. И потому Франция, где появляется столько дельных и важных сочинений, в то же время снабжает легким чтением всю Европу и весь образованный мир; и оттого не одни мы, русские, так прилежно следим за всеми, даже мелкими, переливами потока французской жизни и знаем ее лучше, чем особенности своего собственного быта. Это и понятно и естественно: как не знать того, кто весь наруже, кто добродушно и радушно открывает вам не только свои хорошие стороны, но и свои слабости? И как знать того, кто прячется?.. Мы думаем, что, с этой точки зрения, упреки публики литераторам за их недеятельность и литературе за ее бедность едва ли справедливы.

ливы, потому что причины этой недеятельности и бедности столько же, если еще не более, скрываются в самой публике, как и в литераторах...

И однакож едва ли было бы благоразумно оставаться и успокоиться, сложив руки, на подобном неутешительном результате. В таком случае гораздо похвальнее делать «ничего», то есть, что можно, нежели ничего не делать. Иногда в стремлении сделать хоть *что-нибудь*, за невозможностию сделать лучше, гораздо больше смелости и заслуги, нежели в гордой решимости или делать, как бы хотелось, или ничего не делать. Как бы то ни было, но, в ожидании вожденной деятельности талантов, пока, за неимением лучшего, благосклонному вниманию публики предлагается в этой книге опыт характеристики Петербурга, несколько очерков его внутренних особенностей. Предмет занимателен и важен, требует большого таланта, наблюдательности и большого умения писать, словом, требует гораздо больше, нежели сколько, может быть, в состоянии выполнить трудившиеся над составлением этой книги. Но что нужды? Если труд наш окажется слишком неудовлетворительным, пусть другие сделают лучше: в таком случае он не будет бесплоден, если пробудит спящую деятельность более нас даровитых людей и сделается причиною появления хорошей книги. Между тем этот опыт тем труднее для нас, что до сих пор не было на русском языке ни одной попытки в этом роде. Правда, Петербург описан не раз в отношении топографическом, климати-

ческом, медицинском и т. п. Г. Башуцкий, в своей «Панораме Петербурга», предпринял было описать не только *внешность* первой нашей столицы (улицы, здания, дома, реки, каналы, мосты и т. д.) с историческим обозрением построения и распространения города, но и бросить взгляд на характеристические отличия петербургского быта и нравов; но почему-то его предприятию, весьма полезному и прекрасно начатому, не суждено было дойти до окончания, не говоря уже о том, что со времени его издания Петербург во многом уже изменился. Сверх того, книга г-на Башуцкого имеет в виду преимущественно *описание*, а не *характеристику* Петербурга, и ее тон и характер более официальный, нежели литературный.^[8] Содержание нашей книги, напротив, не *описание* Петербурга в каком бы то ни было отношении, но его *характеристика*, преимущественно со стороны нравов и особенностей его народонаселения. Выше сказали мы, что нравственная физиономия Петербурга воспроизведена со всею художественною полнотою и глубиностью во многих сочинениях Гоголя. Кроме того, многие черты и особенности Петербурга более или менее удачно схвачены в различных сочинениях других писателей, как, например: князя Одоевского, графа Соллогуба, казака Луганского, г. Панаева и других.^[9] Но все это нисколько не делает излишнею книги, вроде издаваемой теперь нами. Все эти сочинения не составили бы чего-нибудь целого, если бы и соединить их в одну книгу, ибо они писаны не с тою целию, какую предположили

мы себе в нашей книге. Цель каждого из них, отдельно взятого, определяется лежащею в его основании поэтической мыслью, которая открывается в развитии события и характеров. Сочинения Гоголя в особенности чужды всякой исключительной цели: знакомя читателя с петербургским жителем, они в то же время знакомят его и с человеком вообще и с русским человеком в особенности: цель, возможная только для великого художника, цель, к которой могут стремиться другие более или менее богатые даром творчества писатели, но в которой едва ли кто у нас может с ним соперничать! Что касается лично до составителей этой книги, — они совершенно чужды всяких притязаний на поэтический или художественный талант; цель их была самая скромная — составить книгу вроде тех, которые так часто появляются во французской литературе и, заняв на время внимание публики, уступают место новым книгам в том же роде. Все самолюбие составителей этой книги ограничивается надеждою, что читатели найдут, может быть, в некоторых, если не во всех, из наших очерков петербургской жизни более или менее меткую наблюдательность и более или менее верный взгляд на предмет, который взялись они изображать. Что же касается до нескольких статей, помещенных в нашей книге и подписанных известными в нашей литературе именами, — эти имена сами отвечают за их достоинство, и мы предоставляем судить о них публике.

Москва, менее чем Петербург подвергавшаяся художе-

ственному воспроизведению, была счастливее в некотором отношении, чем Петербург, на характеристические изображения ее физиономии. По крайней мере в последнее время появились целых два сочинения в этом роде. Одно из них – «Москва и москвичи» – принадлежит г. Загоскину. Считая неуместным слишком распространяться здесь об этом произведении, скажем только, что оно, несмотря на все свои достоинства, вполне оправдывающие высокую славу его сочинителя, имеет тот весьма важный недостаток, что в нем нет ни Москвы, ни москвичей. Второе – «Очерки московской жизни» – носит на себе новое литературное имя – г. Вистенгофа и обнаруживает местами замечательную наблюдательность и умение схватывать характеристические черты общества, но лишено определенного взгляда, который обнаруживал бы, что автор умеет не только наблюдать, но и судить.^[10]

Мысль односторонняя, часто устарелая, еще чаще сделавшаяся общим местом, или совершенное отсутствие мысли – вот недостаток, которым особенно страдает наша легкая литература, – и сумели ли мы избежать этих недостатков (особенно второго), – судить об этом публике. Мы можем сказать только, что старались сделать, что было в наших силах. И если эти два выпуска найдут себе читателей, то за ними появятся и другие.

Комментарии

Принадлежность этой статьи Белинскому была впервые установлена П.Н. Сакулиным (см. его публикацию: «Неизвестная статья В. Г. Белинского», Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. XVI, книга 3-я, СПб, 1911, стр. 155–168).

Первая часть «Физиологии Петербурга» была разрешена цензурой еще 2 ноября 1844 года. Однако выход ее в свет задержался из-за очерка Некрасова «Петербургские углы», который был разрешен только 11 февраля 1845 года. (Вторая часть сборника имеет дату цензурного разрешения – 2 января 1845 года.) Этим и определяется помещение настоящей статьи и следующей за ней («Петербург и Москва») после статей о Крылове и Кантемире, вышедших в свет в самом начале февраля 1845 года. Учитывая внутреннюю близость между всеми статьями Белинского, связанными с «Физиологией Петербурга», мы далее помещаем обе его рецензии на этот сборник, хотя, строго говоря, вторая из них должна была бы идти после статьи о «Тарантасе» Соллогуба.

Две части «Физиологии Петербурга» свидетельствовали об организационном оформлении натуральной школы. Белинский был наиболее активным участником сборника (кроме печатающихся здесь двух его статей из первой части, им были помещены во второй части статьи «Александринский

театр» и «Петербургская литература») и его идейным вдохновителем, определившим оригинальный характер сборника.

Белинский ставит со всей ясностью вопрос о включении «физиологических очерков» в русло великих традиций русской реалистической литературы, требует в то же время от авторов овладения тем глубоким знанием и пониманием русской действительности, которое было свойственно Грибоедову, Пушкину, Лермонтову, Гоголю. Именно их творчество имеет в виду Белинский, когда говорит, что «литераторы, принимавшие участие в этих изданиях, могли бы, кажется, найти для себя готовую и притом верную точку зрения на общество в произведениях тех немногих русских писателей, которые умели постигнуть тайну русской действительности».

Примечания

1.

См. примеч. 407 в т. III наст. изд.

2.

Родоначальником «нравоописательного» или «нравственно-сатирического» романа Белинский считал роман А. Измайлова «Евгений, или пагубные следствия дурного воспитания и сообщества» (1799–1801). Начиная с «Литературных мечтаний» Белинский настойчиво разоблачает претензии авторов подобных романов на «исправление» нравов. См., например, «О русской повести и повестях Гоголя» (1835), «Кузьма Петрович Мирошев» Загоскина (1842), «Мертвые души» Гоголя (1842), «Русская литература в 1843 году» (1844) и др. Последний отголосок этой борьбы мы находим в «Ответе «Москвитянину» (1847).

3.

«Книга Ста одного» («Paris ou le livre des Cent et un») выходила в Париже в 1832 году в нескольких томах.

4.

Псевдонимом «Лужницкий старец» подписывался М. Т. Каченовский в «Вестнике Европы» 1820-х годов. Другой его псевдоним _ «Житель Бутырской слободы» (Белинский, очевидно, смешал его с псевдонимом О. М. Сомова «Житель

Галерной гавани»).

5.

Первый том смирдинского издания «Сто русских литераторов» вышел в 1839 году; второй – в 1841 году. Третий том, оказавшийся и последним, вышел в 1845 году (см. примеч. 18 к III тому наст. изд.). «Наши, списанные с натуры русскими» (1841–1842) издавались А. П. Башуцким и прекратились на 14-м выпуске. Белинский внимательно следил за «Нашими» и напечатал в «Отечественных записках» ряд рецензий о них (см. Полн. собр. соч., т. XII, стр. 302–304, 329, 371, 372, т. VII, стр. 269, 393, 502).

6.

Из «Мертвых душ», т. I, глава IX.

7.

Белинский цитирует из отрывка Пушкина «Гости съезжались на дачу...» (1828). В пушкинском тексте та же мысль выражена так: «Женщины петербургского света боятся прослыть кокетками, мужчины уронить свое достоинство. Все стараются быть ничтожными со вкусом и приличием». Отрывок Пушкина был впервые напечатан в сборнике «Сто русских литераторов» (т. I, 1839).

8.

«Панорама Санктпетербурга» А. П. Башуцкого вышла в 1834 году в трех книгах. Об «официальном» характере издания достаточно красноречиво говорит тот факт, что Башуцкий посвятил его «с благоговением» Николаю I.

9.

Белинский, видимо, подразумевает следующие произведения: «Княжна Мими» (1834) и «Княжна Зизи» (1839) В. Одоевского; «История двух калош» (1839), «Лев» (1841), «Медведь» (1843) В. Соллогуба; «Петербургский дворник» (1844), «Жизнь человека или прогулка по Невскому проспекту» (1843), «Похождения Виольдамура и его Аршета» (1844), В. Даля (Казака Луганского); «Кошелек» (1838), «Онагр» (1841), «Прекрасный человек» (1840), «Русский фельетонист» (1841), «Тля» (1843) И. Панаева.

10.

«Москва и москвичи. Записки Богдана Ильича Вельского», изданные М. Н. Загоскиным. Выход первый, М., 1843; выход второй, М., 1844.